

**К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В КОНЦЕ XVI В.
ПЕРВЫХ РУССКИХ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ
НА ВОСТОЧНЫХ СКЛОНАХ УРАЛА**

есной 1583 г. с далеких берегов Иртыша прибыла в Москву с «сеунчем» — радостным известием о «Сибирском взятии» — небольшая (всего из 25 человек) дружина ермаковых казаков. Царь Иван Грозный, лично принимавший посольство, повелел их «отписку принять и вычесть перед своим царским лицом», «Ермака же заочно своим государевым жалованным словом похвалил, також и всех ево таварыщей атаманов и казаков. А тех сеуншиков пожаловал государь своим царским многим жалованьем, денгами и сукны. И паки государь отпусти их в Сибирь к Ермаку с товарищи. И посла государь Ермаку с товарищи многое свое государево жалованье, сукна и золотые. С ними же государь послал воевод своих...»¹.

Начальником направлявшегося в Сибирь отряда решено было назначить юного князя Семена Болховского, только что начавшего нести службу в качестве второго воеводы «на Курмыше» (его отцом был «свяжской жилец князь Дмитрей княж Иванов сын Болховской»)². Получив в Москве царский наказ, князь С.Д.Болховской вместе с ермаковцами и сотней набранных в Туле стрельцов, которыми командовал голова Иван Семенов сын Киреев, отправился сначала на родину в Свяжск, где взял полсотни стрельцов, а оттуда в Казань. Пополнив здесь свой отряд еще полусотней местных стрельцов, воевода двинулся на судах сначала вниз по Волге, а потом вверх по Каме к Чердыни, где уже с начала зимы 1582 г. находился в состоянии боевой готовности голова Иван Васильев сын Глухов с полусотней вятских стрельцов. По замыслу московских стратегов предполагалось, что

отряд князя Болховского, усиленный полусотней пермских стрельцов, которых должен был выделить чердынский воевода Воин Оничков, и полусотней ратных людей, набранных в вотчинах Строгановых, выступит с началом зимы на конях через горные перевалы на помощь Ермаку. На месте однако выяснилось, «что в Сибирь зимним путем на конех пройтить не мочно». Поэтому решено было дожидаться вскрытия рек и идти в поход на судах. Прежний указ Строгановым о формировании в их вотчинах отряда из 50 конников был отменен, зато им царской грамотой от 7 января 1584 г. вменялось в обязанность подготовить к весне под рать князя С.Д.Болховского «15 стругов со всем судовым запасом, которые 6 струги подняли по 20-ти человек с запасом»³.

Весной 1584 г. воинство князя С.Д.Болховского «да голов Ивана Киреева да Ивана Васильева сына Глухова, а с ними казанских и свияских стрелцов сто человек, да пермичь и вятчан сто же человек, и иных ратных людей 100 человек»⁴, в сопровождении ермаковых «сеунщиков», выступавших в качестве проводников, отправилось на стругах вверх по Чусовой, т.е. по проложенному незадолго до этого волжскими казаками пути «за Камень». Преодолев от верховьев Серебрянки до верховьев Баранчи трудный 25-верстный волок через перевал, отряд князя С.Д.Болховского вышел наконец в Тагил, откуда открывалась речная дорога на Туру, Тобол и Иртыш. На левом тагильском берегу, напротив горы Медведь-Камень, воеводами было выбрано удобное место для стоянки, которое решено было укрепить. Так появился первый в Зауралье перевалочный пункт русских ратных людей на пути в Сибирь, получивший название Верхтагильского городка. С трех сторон он был защищен рекой, делающей здесь петлю, с четвертой были сооружены вал и ров.

Традиционно это место, расположенное в 12 км от Нижнего Тагила, именуют Ермаковым городищем. Неоднократно здесь проводились археологические исследования, позволяющие утверждать, что «городище сооружено отрядами, шедшими вслед за Ермаком»⁵.

Можно предполагать, что стрельцы Болховского, вынужденные бросить на Тагильском волоке часть судов, оставили здесь по приказу молодого неопытного воеводы значительную долю своих запасов, очевидно рассчитывая вернуться за ними позднее. По каким-то причинам сделать это не удалось, что и привело в конечном счете

к страшному голоду в Искере зимой 1584—1585 гг., в результате которого погибли как сам князь С. Д. Болховской, так и почти весь его отряд. Для охраны этих запасов воеводой было оставлено несколько десятков человек, составивших первый гарнизон городка, просуществовавшего около пяти лет.

Ранняя редакция Сибирского летописного свода — т. н. «Книга записная» — содержит один любопытный эпизод из начальной истории Верхтагильского городка: «А воевода в нем был с Москвы Рюма Языков. И был у тово воеводы с собою привезен казанской кот большей. И все де ево подле себя держал Рюма. И тот кот спящему ему горло преяде и до смерти заяде в том городке»⁶.

Обычно этот рассказ воспринимается как анекдот, имеющий легендарное происхождение. На мой взгляд, он заслуживает большего доверия, поскольку нижегородский сын боярский Рюма Языков известен по документам как стрелецкий сотник, служивший еще в 1567—1568 гг. в Казани⁷. Не исключено, что он командовал казанскими стрельцами в отряде князя С. Д. Болховского и был оставлен им в качестве начальника гарнизона в городке на Тагиле.

После нелепой смерти первого тагильского воеводы от клыков большого камышового кота, привезенного им с собой из Казани, новым начальником гарнизона «в Тагилском остроге» стал «голова муромец Григорей Елизаров», впервые упомянутый в этой должности в Разрядной книге под 7095 (1586/87) г.⁸ Через два года воеводами «на Тагиле» были ржевские дворяне Василий Андреев сын Квашнин, переведенный вскоре в Новгород, и Иван Иванов сын Ордин-Нащокин⁹.

Между тем в 1585 г. через Тагильский волок прошел в Сибирь отряд Ивана Алексеева сына Мансурова, в 1586 г. — Василия Борисова сына Сукина и Ивана Никитина сына Мясного, в 1587 г. — Данилы Данилова сына Чулкова. В результате этого на устье Иртыша появился Обской (Мансуровский) городок, на Туре — Тюмень, а при впадении Тобола в Иртыш — Тобольск. Около 1588 г. служилым людям из Тобольска удалось привести к покорности Пелым и Большую Конду, а их князья Аблегири и Агай, находившиеся до этого в вассальной зависимости от хана Кучума, обязались с 1589 г. платить ясак русским¹⁰. Издавна известный речной путь из Чердыни через Вишеру на Лозьву и Тавду стал теперь свободным. В связи с этим

тагильскому воеводе Ордину-Нашокину приказано было перебраться на другое место. За горным перевалом, начинавшимся с верховьев Вишеры, на мысу при впадении р. Ивдель в Лозьву, он приступил к строительству Лозьвинского городка, ставшего не только центром нового обширного уезда, но и главной перевалочной базой на пути в Сибирь: указом царя Федора Ивановича велено было «возити на Лозьву городок хлебные запасы от поморских городов на жалование сибирским ратным людям»¹¹. Потерявший свое значение Верхтагильский городок был «покинут впусе», а его гарнизон перевели на Лозьву. Через год тагильские стрельцы были заменены устюжскими, прибывшими сюда вместе с князем Иваном Михайловым сыном Вадбальским, отправленным из Вологды¹². А вскоре здесь появился новый воевода — Иван Григорьев сын Нагой¹³. В результате этих перемен дорога через Тагильский волок прекратила свое существование.

Лозьвинский городок был обнесен двойными рублеными стенами с земляной засыпкой (т.н. «городнями»), имел шестигранные башни по углам, а также был укреплен острогом. В самом городе, помимо воеводского двора и других построек, имелась Троицкая церковь. Близ города была кроме того построена первая в Сибири судоверфь, заведена государева кузница, в казенных житницах и амбарах хранились хлеб, соль, боеприпасы и кладь проезжих торговцев. В зимнее время, перед началом навигации, здесь скапливалось до 900 т различных грузов, более двух с половиной тысяч подвод и до трех тысяч человек временного населения. Сам же гарнизон городка состоял примерно из полусотни стрельцов и казаков.

Роль Лозьвинского городка в деле освоения русскими Сибири была исключительно важной. Отсюда в начале 1593 г. выступил «зимним путем» в поход отряд чердынского воеводы Никифора Васильевича Траханиотова. Свернув с Лозьвы направо, он вышел на верховья Туры, т.е. как раз в те места, где через пять лет будет построен русский город Верхотурье. Пройдя далее по льду вниз по Туре и Тоболу до Иртыша и Оби, Траханиотов основал в устье Северной Сосьвы русский город Березов. Летом того же года отряд князя Петра Ивановича Горчакова нанес из Лозьвинского городка удар по мятежному Пелымскому княжеству, заложив в самом его сердце русский город Пелым¹⁴. Через год Вишерско-Лозьвинским путем проследовал за Урал письменный голова Владимир Оничков, чтобы вместе с князем

Федором Петровичем Барятинским построить на берегу Оби город Сургут¹⁵. В том же 1594 г. были посланы ставить новый город «вверх Иртыша, на Тару реку», ратники князя Андрея Елецкого и письменных голов Бориса Доможирова и Григория Елизарова, путь которых также лежал через Лозьву¹⁶.

Тем временем Лозьвинский городок приближался к своему закату. В начале 1595 г. Иван Нагой был переведен вторым воеводой в Тюмень, а на его место прибыли новые воеводы - Иван Васильевич Траханиотов, приходившийся, кстати, родным братом основателю Березова, и его товарищ письменный голова Елизарий Бартенев. В декабре 1596 г. Елизарию велено было ехать к Москве, а на его место прислали голову Ивана Ильина сына Неелова¹⁷.

Во время управления Лозьвинским городком Иваном Траханиотовым произошло одно весьма важное событие: учитывая то обстоятельство, что путь по Вишере и Лозьве был неоправданно длинным и тяжелым, и памятуя о зимнем переходе Никифора Траханиотова с верховьев Туры на Тобол, московское правительство издало в 1595 г. указ, по которому «охочим людям» предлагалось «проведывать» прямой маршрут в эти места. Удача улыбнулась крестьянину д. Верхняя Усолка Соликамского уезда Артемию Сафонову сыну Бабинову, проложившему новую сухопутную дорогу от Соликамска на верховья Туры. Осенью 1597 г. чердынский воевода Сарыч Шестаков осмотрел здесь место, пригодное для строительства нового города. Одновременно сюда были посланы воеводы Василий Петрович Головин и Иван Васильевич Воейков, получившие задание уже весной 1598 г. приступить к строительству Верхотурья¹⁸. Тогда же лозьвинским воеводам Ивану Траханиотову и Ивану Неелову была отправлена царская грамота о том, «что Лозьвинскому городу вперед не быти, а быти ему разорену». Стрельцы из лозьвинского гарнизона к весне переводились вместе с государевой казной и церковной утварью на Верхотурье, а лес, из которого были построены город и острог, повелевалось сплавить «понизовною» водой «с Лозьвы на Пелымь», дабы употребить его здесь «к старому Пелымскому городу и к острогу на поделку или на хоромную ставку»¹⁹. Вишерско-Лозьвинский путь прекращал отныне функционировать. Весь поток людей и грузов в Сибирь и обратно должен был теперь идти по новой «государевой дороге» через Верхотурье.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сибирские летописи. Ч.1: Группа Есиповской летописи//ПСРЛ. М., 1987. Т.36. С.132 – 133.
- ² Разрядная книга 1475 – 1598 гг. М., 1966. С.340, 378.
- ³ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.;Л., 1937. С.324 – 344.
- ⁴ Сибирские летописи. С.133.
- ⁵ Сериков Ю.Б. Некоторые проблемы изучения сибирского похода Ермака (по материалам археологических раскопок)//Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С.34.
- ⁶ Сибирские летописи. С.141.
- ⁷ См.: Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565 – 1568 гг. и 1646 г. Л., 1932. С.9, 27, 40.
- ⁸ Разрядная книга... С.390.
- ⁹ См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г./Сост. С.П.Мордвинова и А.Л.Станиславский. М., 1979. Ч.1. С.137, 286.
- ¹⁰ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. С.372 – 373.
- ¹¹ Документы по истории Коми: Историко-филологич. сб. Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып.4. С.267.
- ¹² См.: Боярские списки... Ч.1. С.150.
- ¹³ См.: Разрядная книга... С.487.
- ¹⁴ См.: Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С.101 – 104.
- ¹⁵ См.: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С.87 – 100.
- ¹⁶ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. С.354 – 361.
- ¹⁷ См.: Разрядная книга... С.505 – 506, 515.
- ¹⁸ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. С.375 – 377, 379.
- ¹⁹ Там же. С.378.

